

УДК 82.091

Тема Германии в художественном наследии

М.А. Шолохова

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,

Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 55;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена немецкой теме как весьма значительной в художественном наследии М.А. Шолохова. Многовековой историко-культурный диалог России и Германии, о котором часто писали исследователи обеих сторон, наполнен неоднозначно сложным содержанием, где вместе с тем прослеживаются богатейшие духовные взаимосвязи. Русская классическая литература – особенно двух последних столетий – пронизана «германским элементом», когда отечественные писатели открывают для себя различные черты характера своих культурных и географических соседей, нередко даже своих сограждан. Подобный интерес был закономерным, так как диктовался жизненными обстоятельствами и творческими потребностями. Корифеев русской словесности – от А. Пушкина до М. Шолохова и других современных классиков, – обращавшихся зачастую к немецкому культурному началу, привлекает, прежде всего, возможность *сравнения и постижения своего через чужое*. Образ Германии, немецкая тема в целом, представляющая многообразный массив отечественной литературы и – шире – культуры, способствует более глубокому раскрытию сложного идейного замысла их романов и повестей, помогает в постановке и решении проблем российской действительности. Следует сказать о глубоком знании автором

немецкого народа, его истории и культуры; о двух памятных для русского писателя визитах в Германию разных исторических этапов (декабрь 1930, май 1964), о первой зарубежной публикации «Тихого Дона» (1929) и «Поднятой целины» (1933) на немецком языке, о творческих и научных контактах со многими деятелями немецкой культуры, внёсших «серьёзный вклад в шолоховедение» (В. Байц). Следует сказать и об эпохе, в которую жил и творил русский гений, поскольку социокультурные потрясения века являются чуть ли не основным фактором, повлиявшим на него. Немецкая тема, многосторонняя по своему содержанию, но преимущественно военная, в его литературном наследии занимает особое место: не являясь ведущей, она проходит через многие шолоховские творения разных лет и играет в них немаловажную роль. Немецкая тема, несмотря на определённый набор способов её введения в текст, в каждом его произведении, будь то «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина», военная публицистика, «Наука ненависти», «Судьба человека» или «Они сражались за Родину», обладает иной степенью выраженности и значимости и по-своему способствует реализации русской проблематики каждого произведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. Тема Германии в художественном наследии М.А. Шолохова // Культура и цивилизация. – 2014. – № 4. – С. 80-101.

Ключевые слова

Немецкая тема, мировая война, роман о «потерянном поколении», мотив жизни как ценности, безнравственный лик войны, «наука ненависти» – «наука побеждать», русское достоинство и гордость, духовный потенциал народа.

«Связь Германии и России всегда была судьбоносной».

Хайнер Мюллер

*«Святая русская литература, святая, прежде всего,
в своей человечности».*

Томас Манн

Введение

Многовековой историко-культурный диалог России и Германии, берущий своё начало в далёком Средневековье, наполнен неоднозначно сложным содержанием, где вместе с тем обеими сторонами прослеживаются богатейшие духовные взаимосвязи. Русская классическая литература двух последних столетий пронизана «германским элементом», когда отечественные писатели открывают для себя различные черты характера своих культурных и географических соседей, иногда своих сограждан. Подобный интерес был закономерным: он диктовался жизненными обстоятельствами и творческими потребностями.

Корифеев русской словесности – от А. Пушкина до М. Шолохова и других современных классиков, – обращавшихся зачастую к немецкому культурному началу, интересуется, прежде всего, возможность *сравнения и постижения своего через чужое* (курсив мой. – Н.С.). Образ Германии, немецкая тема в целом, представляющая многообразный массив отечественной литературы и – шире – культуры, способствует более глубокому раскрытию сложного идейного замысла их романов и повестей, помогает в постановке и решении проблем российской действительности. Эти представления входят в художественную литературу в виде устойчивых мнений, находя своё отражение в структуре образов, в манере мышления и действия героев. Вместе с тем проявляется свидетельский опыт самого писателя, его личные раздумья и переживания, рождённые в непосредственных контактах с иной нацией. В частности, весьма показателен пример среди предшественников М. Шолохова – И. Тургенев, который, как утверждал в своё время популярный писатель П.Д. Боборыкин, «всегда держал в своих тисках культурный Запад, особенно Германию... Он был необыкновенно хорошо знаком со всем, что составляет её духовное достояние»¹. Образ Германии, немецкого народа, воссозданный им на основе личных впечатлений, накопившихся за долгие годы пребывания в стране, во многом был обусловлен и впечатлениями литературными. Глубокое знание немецкой культуры и духовной жизни позволило И. Тургеневу создать в своём

---

1 Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 тт. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – С. 15.

творчестве достоверный образ, весьма сильно повлиявший на формирование у русской аудитории представлений о стране Гёте и Шиллера, её искусстве и народе. С другой стороны, известный отечественный философ и культуролог Г.Д. Гачев правомерно фиксирует при всех специфических отличиях двух народов: «Европейское призвание делает Германию и Россию *близкими и понятными* друг другу и в культуре, и в типе психики – внутренне сосредоточенной, рефлектирующей»².

Исследование международных диалогических взаимодействий раздвигает рамки национальной словесности, включая её в единый мировой литературный процесс. Историческая судьба Германии достигла в XX веке пика проявления её внутренних противоречий: она пережила в ушедшем столетии некий энтропический планетарный взрыв, кошмар ложно воспринятого и трансформированного фашизмом всплеска пассионарности, вызвав огромный европейский и мировой коллапс. – В то же время именно он определил «*сложную историческую парадигму немецкого XX века*»³. Данная сложность и противоречивость его общественно-исторического содержания нашла глубокое освоение в произведениях М. Шолохова, дающих возможность немцам «лучше познать наше время, людей и нас самих»⁴.

Немецкая тема как отличительная черта М. Шолохова-писателя

Говоря о них, в первую очередь следует сказать о глубоком знании автором немецкого народа, его истории и культуры; о двух памятных для русского писателя визитах в Германию разных исторических этапов (декабрь 1930 и май 1964 годов), о первой зарубежной публикации «Тихого Дона» (1929) и «Поднятой целины» (1933) на немецком языке, о творческих и научных контактах со многими деятелями немецкой культуры, внёсших «серьёзный вклад

---

2 Гачев Г.Д. Менталитет народов мира: сходства и отличия. – М.: ЭКСМО, 2003. – С. 122.

3 Германия. XX век. Модернизм, авангардизм, постмодернизм / Ред., сост. В.Ф. Колязин. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 6.

4 Kurella A. Nachwort // Scholochow M. Fruehe Erzaehlungen. – Berlin, 1975. – S. 420-421.

в шолоховедение» (В. Байц). Следует сказать и об эпохе, в которую жил и творил русский гений, поскольку социокультурные потрясения века являются чуть ли не основным фактором, повлиявшим на него. Безусловно, Октябрьская революция, Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны, а также коллективизация оказали труднопереоценимое влияние на творческую личность Шолохова.

Немецкая тема, многосторонняя по своему содержанию, но преимущественно *военная*, в его литературном наследии занимает особое место: не являясь ведущей, она, тем не менее, проходит через многие шолоховские творения разных лет и играет в них немаловажную роль. Более того, есть веские основания видеть в ней, в известной мере, *отличительную черту художественного мира* русского писателя, использовавшего трагедийные коллизии для развязывания узлов человеческого бытия. Смысловое наполнение названной темы подчинено раскрытию главной – национальной – проблематики творчества Шолохова.

Немецкая тема, несмотря на определённый набор способов её введения в текст, в каждом его произведении, будь то «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина», военная публицистика, «Наука ненависти», «Судьба человека» или «Они сражались за Родину», обладает *иной степенью* выраженности и значимости и по-своему способствует реализации русской проблематики каждого произведения. Актуализация в них данной темы проявляется на разных уровнях – *тематическом, сюжетном и жанровом*. Кроме того, немецкий аспект шолоховских произведений – хронотопический, имеющий сюжетообразующее значение. В нём выделяются область «времени» и область «пространства», отчётливо выписанные и идейно-художественно акцентированные.

Первая мировая, она же «великая война», «вторая Отечественная», «германская» или «империалистическая», как было принято её называть в официальном и повседневном общении, по воле автора увидена глазами донских казаков, ими же воспринята и пережита. Так, в ранних «Донских рассказах» (1926) персонажи старшего поколения прошли через опыт «*германской*» войны. В частности: «Пропал в германскую войну Николкин отец, как в воду канул» («Родинка»); «В германскую войну лычки тоже не даром заслуживал,

офицерство и мои храбрые отличия не забыты по начальству» («Бахчевник»); «Нас в германскую забрали в пятнадцатом году. Третьей очереди я был» («Один язык») и другие⁵. В них Шолохов осмысляет события только что закончившейся гражданской войны на Дону, проявляя ставшую свойственной ему *сосредоточенность на трагических коллизиях* человеческой судьбы, обусловленной крупнейшими социально-историческими потрясениями. За поверхностными пробольшевиетскими симпатиями молодого автора проступают контуры прозорливого «всечеловеческого» взгляда, уравнивающего красных и белых, «правых» и «виноватых» как жертв гражданской войны, искажающей смысл духовных основ существования народа. Эта война как одно из величайших трагических событий XX века, в год столетия которой человечество предпринимает попытки её углублённого осмысления, многообразно пронизывает художественную ткань «Тихого Дона» (1925-1940), занимая значимое место наряду с иными судьбоносными для России историческими событиями.

У истоков мировой славы «Тихого Дона»

Планетарная слава шолоховского эпоса началась именно с Германии, когда две первые книги романа оперативно осваивались левой и демократической аудиторией осенью 1929 и 1930 годов. Они активно обсуждались, приобретая высоким мастерством и антивоенной направленностью горячих поклонников и злостных противников. Роман получил беспрецедентную известность и освоение благодаря своей, прежде всего, *солидаризирующей* функции в немецком обществе на разных этапах его сложнейшей истории: около 60 изданий! Можно утверждать, что восемьдесят пять лет споры вокруг «Тихого Дона» и его автора, уже при первой зарубежной публикации, начиная с Веймарской республики и кончая объединённой Германией (1929-2014) наших дней, нередко превращались в острую дискуссию за честь и достоинство великого писателя, всей русской литературы и культуры. Важное место в немецком и мировом шолоховедении XX века заняли сборники материалов Лейпцигских международных симпозиумов (1965, 1975, 1985), что стало достойным отве-

5 Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 тт. – М., 1975. – Т. 7. – С. 224, 278, 562.

том инициаторам «шолоховского вопроса». «Немецкий Шолохов» остаётся и в XXI столетии полем острых эстетических и идеологических споров, источником незатухающих дискуссий.

В немецком общественном сознании шолоховский эпос вступил в принципиальный внутренний диалог с романами-бестселлерами о «потерянном поколении» «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя и «Смерть героя» Р. Олдингтона, убедительно утверждая масштабность и глубокое понимание социально-исторических коллизий эпохи. В их романах война изображается как *надлом внутреннего мира личности* не только в лирической атмосфере названных произведений, но и в эпическом развороте «Тихого Дона», где полное художественное завершение образ мировой катастрофы как мирового зла получил в смятенном сознании Григория Мелехова. «Я, Петро, *уморился душой*, – исповедуется он перед братом. – Я зараз будто недобитый какой... Будто под мельничными жерновами побывал, перемляли они меня и выплюнули... Меня совесть убивает..., пытался и *не мог найти в душе точку опоры*, чтобы остановиться в болезненных раздумьях и вернуть себе прежнее ровное настроение»⁶. Вместе с тем центральный орган КППГ – газета «Die Rote Fahne» (1930) пронизательно подчеркнула, в чём русский писатель оказался *более историчен и глубже* западных авторов. Он воспринимался левой критикой как большой писатель-интернационалист, «свой» для многих пролетариев, «соратник по красному фронту», «революционный писатель»⁷. Своеобразие немецкого восприятия «Тихого Дона» выразилось, прежде всего, в усвоении уроков Первой мировой войны и русской революции.

Ни в каком ином произведении Шолохова реализация немецкой темы не проявляется столь широко и с поразительной точностью в передаче деталей образов и давления времени. Своим романом он уже тогда прочно связал своё имя с социально-политическими и литературно-эстетическими переменами на планете. На каждом этапе драматической истории Германии в XX веке «Тихий Дон» давал основание говорить о *национальной специфике* его восприятия, на-

6 Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 тт. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – С. 291, 309.

7 Die Rote Fahne. – 1930. – November, 8. – S. 8.

чиная с первого, немецкого, перевода О. Гальперн. Так, большим желанием *усилить интерес* немецкой аудитории к революционным событиям в России, помочь извлечь уроки из опыта большевиков и кровно приблизить их к практическим задачам борьбы немецкого рабочего класса можно понять и объяснить тот вольный перевод, который она допустила: большевик Осип Штокман становится «немцем» по происхождению»: «... ich bin Russe. Mein Grossvater stammt von Deutschen» (ср. у М. Шолохова: «Нет, русский. Мой дед *из латышей* происходил»)⁸. В последующих изданиях «Тихого Дона» в ГДР и ФРГ она вернулась к точному переводу этих двух фраз.

Концепция «германской» войны в «Тихом Доне» точна и определённа: её причины социальные; игнорируя принципы гуманизма, она преступна и бесчеловечна, так как есть *величайшее зло*. Шолохов смотрит на военные события глазами трудового человека, к нелёгкой судьбе которого добавились новые страдания. «Война пристигла» как раз в то время, когда в жаркую страду народ был занят уборкой хлеба и дорожил каждым часом. Но примчался верховой с запыленным красным флажком, передающим трагическую весть: «Германия объявила нам войну!». У мобилизованных казаков на митинге – «округленные глаза и квадратная чернота раскрытых ртов». Слова полковника до них не доходят: их думы – о другом. И автор иронизирует над патриотическо-официозной речью русского офицера. «Полковник говорил ещё. Расстанавливая в необходимом порядке слова, пытался подпалить чувство национальной гордости, но перед глазами тысячи казаков – не шёлк чужих знамён, шурша, клонился к ногам, а своё буднее, кровное, разметавшись, кликало, голосило: жёны, дети, любушки, неубранные хлеба, осиротелые хутора, станицы»⁹. Правдой войны, её «апофеозом» стали кровь и муки, неисчислимыя беды и страдания миллионов истерзанных лихолетьем людей, потому шолоховский роман воспринимался резко обличительным, антивоенным. Тональность этих страниц тревожна и предвещает страшное ожидание смерти: «Эшелоны... Эшелоны... Эшелоны...

---

8 Scholochow M. Der stille Don. Dt. v. O. Halpern. – Berlin, 1929. – Bd. 1; Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 тт. – М., 1975. – Т. 1. – С. 147, 131.

9 Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 тт. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – С. 273-274.

Эшелоны несчётно! По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия серошинельную кровь»¹⁰. Данный вывод резюмирует старик-железнодорожник, заглянувший под Воронежем в вагон, где «парился с остальными тридцатью казаками Петро Мелехов: – Милая ты моя... *говядинка!* – И долго укоризненно качал головой»¹¹. В описаниях боёв постоянно обнажается *безумие бессмысленного кровопролития* – и в действиях казачьих полков, в которых служит Григорий Мелехов и другие персонажи романа, и в тех случаях, когда на страницах эпоса появляется «враг» – немецкие, австрийские, венгерские солдаты и офицеры. Каждый раз, когда Григорий видит их вблизи, этот «враг» оказывается просто человеком, без признаков ненависти к русским, без военной удали, без желания убивать и умирать. Явной дегероизации несправедливой, преступной войны подчинено известное описание первого боя Григория Мелехова. «В середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь, он не чувствовал ничего, кроме звона в ушах и боли в пальцах левой ноги. Выхолощенная страхом мысль путала в голове тяжёлый, застывающий клубок»¹².

Своеобразие «философского императива» Шолохова

«Философский императив» Шолохова – его постоянные раздумья о жизни, действительности как о несомненной целостности, которую неспособны разложить или подвергнуть сомнению самые радикальные идеи ушедшего века, в том числе войны. Следует высоко оценить шолоховскую «всеохватную позитивность» (Е.А. Костин), когда в художественном мире писателя постоянно присутствует и варьируется *мотив жизни как ценности* состояния и бесконечного процесса, что позволяет апеллировать к этнотрадициям. Вот один из множества примеров, когда война разрушает привычный распорядок жизни. «Сотня подтянулась к деревушке. Во дворах кишат солдаты; в хатах – суетня: хозяева собираются выезжать. Всюду на лицах жителей лежала печать смяте-

10 Там же. – С. 275.

11 Там же. – С. 249.

12 Там же. – С. 259.

ния и растерянности. В одном дворе Григорий, проезжая, видел: солдаты разве-ли огонь под крышей сарая, а хозяин – высокий седой белорус, – *раздавленный гнётом внезапного несчастья*, ходил мимо, не обращая внимания. Григорий видел, как семья его бросала в телегу подушки в красных наволочках, разную рухлядь, а хозяин заботливо нёс сломанный обод колеса, никому не нужный, пролежавший на погребнице, быть может, десяток лет»¹³. Вот другой пример мотива жизни как ценности также с участием центрального персонажа, когда за первым австрийцем, стрелявшим в Григория, следует второй, безоружный: «Вдоль железной решётки сада, качаясь, обеспамятев, бежал австриец без винтовки, с кепи, зажатым в кулаке. Григорий видел нависший сзади затылок австрийца, мокрую у шеи строчку воротника. Он догнал его. *Распалённый безумием, творившимся кругом*, занёс шашку.., опустил её на висок австрийца... Григорий встретился с австрийцем взглядом. На него мёртво глядели залитые смертным ужасом глаза... Жмурясь, Григорий махнул шашкой... Муть свинцом налила темя. Григорий слез с коня и замотал головой... Путано-тяжек был шаг его, будто нёс за плечами непосильную кладь; *гнусь и недоумение комкали душу*»¹⁴. Бой вновь видится как бессмысленное убийство, подробное описание подчёркивает его «безумие».

Передовая русско-германского фронта – сплошной ад, потому в романе проступает авторская *боль за землю*: «вызревшие хлеба – топтала конница», «там, где шли бои, хмурое лицо земли оспой взрывали снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали»¹⁵. Но ещё мучительнее всё та же многоплановая авторская боль, но *боль и за людей* при постановке важнейших проблем народа, человека, общества, власти, связанных с войной. Убедительные на сей счёт примеры. «Станицы, хутора на Дону обезлюдели, будто на покос, на страду вышла вся Донщина. На границах горькая разгоралась в тот год страда: лапала смерть работников, и не одна уж просто-волосая казачка отпрощалась, отголосила по мёртвому... Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и, мёртвоглазые,

13 Там же. – С. 294.

14 Там же. – С. 260-261.

15 Там же. – С. 287.

беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать, не доносил восточный ветер до них плач жён и матерей. Цвет казачий покинул курени и гибнул там в смерти, во вшах, в ужасе»¹⁶. Много в романе страниц, передающих безнравственный, убийственный лик войны. И всё же она не может лишить человека человеческого. Вот взбешённый Григорий Мелехов пытается выстрелить в казака с «волчьим сердцем» Чубатого за то, что тот бессудно расправился с немецким пленным¹⁷. А Валет, напротив, отпускает пленного: «Беги, немец, у меня к тебе злобы нету»¹⁸. «На какой-то станции видел первую партию пленных, – записал в своём дневнике, ставшим «вставной новеллой» в романе, один из эпизодических персонажей Тимофей Иванович. – Статный австрийский офицер со спортсменской выправкой шёл под конвоем на вокзал. Ему улыбнулись две барышни, гулявшие по перрону. Он на ходу очень ловко раскланялся и послал им воздушный поцелуй. Даже в плену чисто выбрит, галантен, жёлтые краги лоснятся. Я проводил его взглядом: красивый молодой парень, милое товарищеское лицо. Столкнись с таким – и *рука шашку не поднимет*»¹⁹.

Не помогают казакам ни молитва от ружья, ни молитва от боя или при набегах. Они в массе своей познают ту самую черту неизвестности между двумя полярными состояниями человека, о которых говорил Л. Толстой и вспоминает в «Тихом Доне» М. Шолохов, – черту, отделявшую живых от мёртвых... Казак Тимофей Иванович записывает в своём дневнике, как он в то роковое мгновение «слышал отчётливый хрипловатый смешок немецких пулемётов, перерабатывающих этих живых потных людей в трупы. Два полка были сметены и бежали, бросая оружие. На плечах их шёл полк немецких гусар... Вот она, черта, разделяющая живых и мёртвых, Вот оно, великое безумие!»²⁰. Такова страшная правда о мировой войне, память о которой тревожит совесть человечества уже целое столетие...

---

16 Там же. – С. 334-335.

17 Там же. – С. 315.

18 Гачев Г.Д. Менталитет народов мира: сходства и отличия. – М.: ЭКСМО, 2003. – С. 37.

19 Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 тт. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – С. 303.

20 Там же. – С. 307.

В пёстрой палитре немецкой темы «Тихого Дона» присутствует линия и *обрусевших немцев*, развиваемая в традициях русской классики. Так, находясь на излечении в глазной лечебнице доктора Снегирёва, Григорий Мелехов сталкивается с проявлением некоего альтруизма. «Какой-то обрусевший немец, торговец искусственными глазами, движимый патриотическими побуждениями, выдавал свой товар солдатам бесплатно»²¹.

В точных, «холодных» деталях Шолохов даёт описание боя с немецким разъездом, в котором принимал участие будущий «официальный герой». В батальной сцене вновь подчёркнуты те же чувства – общее безумие и животный страх воюющих. «Озверев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чьему попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию. Обеспамятевшие от смертельного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались»²². И явным кошмаром в пучине человеческих страданий и преступлений оказалось прославление «подвига» средствами тогдашней массовой информации: понадобился герой – и он появился – казак Козьма Крючков, убивший в бою одиннадцать немцев... «Герой» отлучён от участия в военных действиях: он нужен штабу дивизии, офицерскому корпусу, придворным кругам.

После описания боя и рассказа о том, как Крючкова сделали «героем», Шолохов убедительно передаёт явно зримый разрыв между реальными буднями войны и официозной фразой, выносит свой нелицеприятный приговор тому, что именовалось «героизмом» применительно к несправедливой войне. «А было так: столкнулись на поле смерти люди, ещё не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объёмном животном ужасе натыкались, сшибаясь, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, испугнутые выстрелом, убившим человека, разбежались *нравственно искалеченные*»²³. Назвали эту бессмысленную жестокость подвигом, казаку Крючкову как «герою» все рукоплескали, высокие чины возили его на показ царю, награждали крестами, дарили именное оружие.

---

21 Там же. – С. 372.

22 Там же. – С. 285.

23 Там же. – С. 286-287.

Зафиксированная авторитетной критикой перекличка с Л. Толстым по мысли и синтаксису, несомненно, имеет место. Но она шла не от внешнего подражания, а от совпадения во взглядах на ужасы, ложь, маскировку, парадные представления о войне. В то же время нельзя события Первой мировой представлять так, будто в той столетней давности войне не было действительных воинских подвигов и истинных русских героев, в том числе сынов Дона. Раскрытые по случаю юбилея отечественные и мировые архивы убедительно свидетельствуют о них: значительная часть россиян считала, что речь идёт действительно о спасении Родины и славянства, что цель России – оказание помощи братской Сербии и укрощение притязаний германских милитаристов. Это вдохновляло многих фронтовиков, ставших георгиевскими кавалерами среди солдат и офицеров. Многие из них оказались талантливыми военачальниками и полководцами в новой России и уже на других войнах...

«Германская» война памятным эхом прокатывается и по страницам «Поднятой целины»²⁴: о ней вспоминают Макар Нагульнов, атаманец Любишкин, Тит Бородин и ещё несколько фронтовых казаков²⁵. Так, когда Островнов встречает в своём курене тайком прибывшего в Гремячий Лог есаула Половцева, то подобострастно напоминает ему о прошлом: «Всю германскую вместе сломали, – и в эту пришлось...»²⁶ Один из вожаков гремяченского колхоза Андрей Размётнов «заслужил на германской три георгиевских креста»²⁷.

Неодолимость новых духовно-нравственных начал

Новое в духовной жизни шолоховских героев в произведениях о Великой Отечественной говорит нам о *другой войне и другой социокультурной эпохе*. В них дальнейшее раскрытие немецкой темы – как священной войны с фашистской Германией – выступает в самых различных проявлениях. Оно

---

24 Шолохов М. Поднятая целина. – М.: Художественная литература, 1953 г. – Кн. 1. – 332 с.

25 Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 тт. – М., 1975. – Т. 7. – С. 37.

26 Там же. – С. 7.

27 Там же. – С. 37.

звучит в публицистически насыщенных высказываниях Виктора Герасимова и Петра Лопахина, чувствуется в глубоких размышлениях и переживаниях Андрея Соколова, Ивана Звягинцева, Николая Стрельцова и других. Пристальное внимание к фронтовому новому *по-разному* проявляется в людях самых несхожих индивидуальностей, судеб и условий жизни. Оно помогает Шолохову-художнику впечатляюще сильно и многоаспектно выразить главную мысль очерка «Наука ненависти» (1942), рассказа «Судьба человека» (1957) и незавершённого романа «Они сражались за Родину» (1943-1959) – *о неодолимости новых духовно-нравственных начал*, характеризующих силу русского характера и проникающих в самые глубины народной жизни, и, с другой стороны, неминуемая обречённость противника. Вера в неизбежную Победу, в торжество идейных и моральных принципов нашего народа над жестоким врагом согревает самые драматические страницы названных произведений, повествующих о тяжёлых, кровопролитных боях, о незабвенных потерях и духовном величии защитников Родины. В письме американскому народу (1943) Шолохов, предлагая дружбу от имени граждан союзной страны, призывал к борьбе с фашизмом и указывал на возможные последствия медлительности и колебаний союзников. «В судьбе каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несёт с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую. События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой *нестираемый след*»²⁸. Раздумья писателя на сей счёт многоаспектно отразились в его военной прозе.

Одна из особенностей гуманизма Шолохова проявляется в способности за обыденным, будничным и даже трагичным открыть *значимость высокого и прекрасного*. Именно в этом качестве предстаёт очерк «Наука ненависти», в названии которого вынесена одна из главнейших проблем духовной жизни Великой Отечественной. В раскрытии немецкой темы центральный персонаж – лейтенант Герасимов – выявляет типичную для его современников противоречивость мнений. Первое сложилось у него до войны, когда на его завод поступали машины из Германии. «При сборке, бывало, раз по пять ощу-

---

28 Шолохов М.А. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. – М.: Современник, 1975. – С. 193.

паю каждую деталь, осмотрю её со всех сторон. Ничего не скажешь – умные руки эти машины делали. Книги немецких писателей читал и любил и как-то привык *с уважением* относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и такой талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было, в конце концов, их дело»²⁹. Второе, более позднее, мнение сформировала у Герасимова развязанная фашистами война, её исключительная жестокость как следствие геноцида советского народа на оккупированной территории. Попав на какое-то время в плен, «он очень много пережил там и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых!»³⁰. Произошла серьёзная внутренняя ломка былых довоенных представлений, содействующая формированию Герасимова и его сослуживцев как опытных воинов. Шолохов правомерно фиксирует важность этого сложного психологического процесса. В одном из сражений, свидетельствует лейтенант, «захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным всё, что может: кто – котелок щей, кто – табаку или папирос, кто – чаем угощает. По спинам они их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?.. А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушёл»³¹.

«Наука ненависти» есть «наука побеждать»

Рисуя крупным планом характер лейтенанта, проходившего в суровых боях с врагом *«науку ненависти»* («Пусть ярость благородная / Вскипает, как волна! / Идёт война народная, Священная война!» – В. Лебедев-Кумач) как *«науку побеждать»*, писатель художественно зримо раскрывал национальный ха-

29 Scholochow M. Der stille Don. Dt. v. O. Halpern. – Berlin, 1929. – Bd. 1. – S. 578.

30 Там же. – С. 576.

31 Там же. – С. 579.

рактер русского и немца. Если первый, оторванный войной от мирного труда, проявлял становление и закалку воина, то второй обладал аморфной негативной характеристикой. «Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожжённые дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев... Вы думаете, можно рассказать словами обо всём, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов... Все мы поняли, что имеем дело не с людьми»³².

В очерке «Военнопленные» (1941) Шолохов даёт типичный облик немца, полного антипода Герасимову и другим нашим бойцам: «Двадцатилетний, безусый юноша, юркие, воровато бегающие глаза. Танк его вчера в бою подорвал красноармеец связкой ручных гранат. Обстоятельно, заученными фразами говорит о превосходстве германской нации, о неполноценности французов, англичан, славянских народов. Нет, это не человек, а плохой пирог с дурно пахнущей начинкой. *Ни одной своей мысли, никаких духовных интересов.* Он уверен в победе Германии. Что-то фальшивое, неправдоподобно-уродливое есть в облике этого юноши»³³. Приобретённый фронтовой опыт через «науку побеждать» даёт основание лейтенанту Герасимову утверждать: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. Именно эти два чувства, воплощённые в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков»³⁴.

Выработка такой необходимой для победы «науки» у наших бойцов становится основным предметом осмысления и в других произведениях Шолохова о войне. Вот Стрельцов и Лопахин обсуждают причину отступления: «Бьют нас? Значит, поделом бьют. Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле, учитесь врага бить... А если не умеете, – не обижайтесь... Происходит это потому, что воевать мы с тобой, мистер, как следует, ещё не научились и злости настоящей в нас маловато. А вот когда научимся, да когда в бой будем идти так, чтобы от яро-

---

32 Там же. – С. 579-580.

33 Шолохов М.А. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. – М.: Современник, 1975. – С. 161-162.

34 Scholochow M. Der stille Don. Dt. v. O. Halpern. – Berlin, 1929. – Bd. 1. – S. 592.

сти пена на губах кипела, – тогда и повернётся немец задом на восток, понятно? Я, например, *уже дошёл до такого градуса злости*, что плюнь на меня – шипеть слюна будет, потому и бодрый я»³⁵. «Наука побеждать», то есть воинский опыт и мастерство становятся достоянием бойцов дивизии, передающих далеко не психологию отступающей армии, а духовное состояние будущих победителей.

С обстоятельным выводом-характеристикой противнику, данным лейтенантом Герасимовым, солидарны персонажи рассказа «Судьба человека» и незавершённого романа «Они сражались за Родину», дополняя яркими штрихами панораму немецкой темы и передавая *напряжённую психологию всего советского народа*. Убедительней всего она проявляется, пожалуй, в описании внешнего облика Андрея Соколова и его испытания пленом. «Видали вы когда-нибудь глаза, *словно присыпанные пеплом*, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть?», – задаёт каждому читателю отнюдь не риторический вопрос сам автор³⁶. И всем ходом повествования рассказа – «микроэпопеи» (Г.Д. Гачев) он раскрывает историю трагических потерь, испытаний и жизненных находок русского солдата Соколова. Выразительна мозаика его сложной судьбы, начиная с эпизода пленения и кончая усыновлением сироты Вани. Тяжело вспоминать, а ещё тяжелее рассказывать Соколову о том, что довелось пережить: «Куда меня только не гоняли за два года плена!... Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. Били за то, что ты – русский, за то, что на белый свет ещё смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнёшь, не так повернёшься. Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти... Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть своё, *русское достоинство и гордость* и что в скотину они меня не превратили, как ни старались»³⁷. В образе Андрея Соколова, в кульминационных моментах сюжета спонтанно отсвечивает история. Как тип он вбирает в себя огромные жизненные пласты, становясь эпической фигурой:

35 Там же. – С. 73.

36 Там же. – С. 594.

37 Там же. – С. 607, 614.

символически олицетворяет весь наш народ, перенёсший небывалые муки и испытания, сумевший сохранить свои лучшие нравственные качества, которые помогли выжить в страшнейшей из всех войн и остаться человеком. И потому в финале рассказа рождаются слова высокого писательского признания: «Хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина»³⁸.

Заключение

Военная проза Шолохова представляет «окопную правду» – рассказы рядовых участников войны, «маленьких» людей об их большой жизни. Войну «делали» именно эти люди, обладающие *духовным превосходством* над врагом, и из их судеб складывалась единая судьба народа и страны. Вот, к примеру, один из многих шолоховских героев незавершённого романа – Иван Звягинцев. За долгие месяцы, проведённые на фронте, много видел он смертей, людского горя, страданий; видел разрушенные и дотла сожжённые деревни, взорванные заводы, бесформенные груды кирпича и щебня на месте, где недавно красовались города. Видел он растоптанные танками и насмерть покалеченные артиллерийским огнём фруктовые сады. Но *горящий спелый хлеб* на огромном степном просторе за всё время войны довелось ему, комбайнёру, видеть впервые, и *душа его затосковала*... «Так и шёл он, тихо бормоча, обращаясь к неведомому немцу, в этот момент олицетворявшему для него всю немецкую армию и всё зло, содеянное этой армией на русской земле»³⁹. Для богатой палитры Шолохова свойственна неприкрашенная правда о фронтовой действительности, но всего поразительней – в *психологии бойцов* показано всеобъемлющее внимание к индивидуальности, чтобы помочь человеку до конца проявить свою субъективную активность, возвысить его внутренний мир до жизненной позиции во имя Победы.

«Наука ненависти», т. е. «ярости благородной», превращаясь в «науку побеждать», становилась достоянием многих фронтовиков в романе «Они

38 Там же. – С. 622.

39 Там же. – С. 95-96.

сражались за Родину» (Копытовский, ефрейтор Кочетыгов, капитан Сумсков, Стрельцов и др.). Типизируя, русский художник остаётся верным субъективно-индивидуальному началу в своих персонажах. В этом проявляется верность и своей гуманистической концепции, и романному жанру, в любых случаях стремящемуся выделить индивидуальность в потоке событий, и своей шолоховской «доктрине войны», которая всегда видит фронт «через душу солдатскую» с проявлением стойкости национального характера.

Первоначальное читательское и зрительское впечатление о военной прозе Шолохова, акцентирующей внимание на *духовном потенциале народа*, заметно углубляется, неизмеримо обогащается. В этой связи вспоминается пронзительная мысль В.Г. Белинского о том, что общенародная война способна пробуждать, вызывать наружу «все внутренние силы» людей, сражающихся за правое дело. Такая война не только составляет собой целую эпоху в истории народа, но и влияет «на всю его последующую жизнь»⁴⁰. При этом критик отметил очень важную деталь – «на всю последующую жизнь», – которая позволяет отчётливей понять, почему в сознании персонажей Шолохова самая страшная битва с фашизмом есть, в конечном счёте, не что иное, как *одно из звеньев преобразования мира*, продолжение единого исторического деяния. Произведения и публицистика Шолохова на немецкую тему полнее раскрывает тот «гений нации», о котором известный театральный деятель В.И. Немирович-Данченко говорил как о «соединении громадного героизма с невероятной простотой и юмором»⁴¹.

Из всего написанного Шолоховым-художником о войне наглядно видно, в каком направлении шёл творческий поиск: автор стремился к использованию материала и созданию персонажей, передающих характер и судьбу народа, способных максимально полно сказать о состоянии народного духа в великой и страшной, ни с какой другой несравнимой войне. Тема Германии, или немецкая тема в творчестве М. Шолохова явно *выходит за пределы* военного содержания: она включает в себя весьма богатые и самые многосторонние связи классика с немецкой действительностью, образующих лучшие страницы российско-германского культурного диалога XX–XXI веков.

40 Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 тт. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 8. – С. 498.

41 Немирович-Данченко В.И. Рождение театра. – М., 1979. – С. 399.

Библиография

1. Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 тт. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – 414 с.
2. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 тт. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 8.
3. Гачев Г.Д. Менталитет народов мира: сходства и отличия. – М. ЭКСМО, 2003. – 544 с.
4. Германия. XX век. Модернизм, авангардизм, постмодернизм / Ред., сост. В.Ф. Колязин. – М., 2008. РОССПЭН, 2008. – 608 с.
5. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра. – М., 1979.
6. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 тт. – М., 1975. – Т. 1.
7. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 тт. – М., 1975. – Т. 7.
8. Шолохов М.А. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. – М.: Современник, 1975. – 207 с.
9. Шолохов М. Поднятая целина. – М.: Художественная литература, 1953 г. – Кн. 1. – 332 с.
10. Die Rote Fahne. 1930. – November, 8. – S. 8.
11. Kurella A. Nachwort // Scholochow M. Frühe Erzählungen. – Berlin, 1965. – S. 420-421.
12. Scholochow M. Der stille Don. Dt. v. O. Halpern. Bd. 1. – Berlin, 1929.

The theme of Germany in the artistic heritage of M.A. Sholokhov

Nikolay I. Stopchenko

Full doctor of culturology, professor,

Y.A. Zhdanov Don Academy of Sciences of young researchers,
344006, 55 Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation,

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The planetary glory of "Tikhii Don" epic was started from Germany, when the first two books of the novel were actively mastered by left and democratic criticism in 1929 and 1930. The book acquired both enthusiasts and malicious opponents by high level of writer's skill and anti-war orientation. The eighty-five years controversy surrounding "Tikhii Don" and its author often turned into fierce dispute as to the honor and dignity of the great writer, whole Russian literature and culture, and it was already at time of the first foreign publication, beginning with Weimar Republic and ending with united Germany (1929-2014) of our times. Digest of Leipzig international symposia (1965, 1975, and 1985) took important place in both German and world Sholohov studies of XX and XXI centuries, it was fitting reply to initiators of "Sholokhov's question". The German theme, despite the particular set of methods of its addition to the text in each his work, whether they are "Donskie rasskazy", "Tikhii Don", "Podnyataya tselina", military journalism, "Nauka nenavisti", "Sud'ba cheloveka" or "Oni srazhalis' za Rodinu", has different degrees of expressiveness and significance and helps to actualize the Russian problematics of each work.

For citation

Stopchenko, N.I. (2014) Tema Germanii v khudozhestvennom nasledii M.A. Sholokhova [The theme of Germany in the artistic heritage of M.A. Sholokhov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [*Culture and Civilization*], 4, pp. 80-101 (in Russian).

Keywords

German theme, world war, the novel about the "lost generation", the motive of life as a value, immoral face of war, "the science of hatred" – "the science of victory", Russian dignity and pride, the spiritual potential of people.

References

1. Belinskii, V.G. (1989) *Sobranie sochinenii* [*Collected works*]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Boborykin, P.D. (1975) *Vospominaniya* [*Memoirs*]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

3. *Die Rote Fahne* (1930). November, 8, S. 8.
4. Gachev, G.D. (2003) *Mentalitet narodov mira: skhodstva i otlichiya* [*Nation mentality: similarities and differences*]. Moscow: EKSMO.
5. Kolyazin, V.F. (ed.) (2008) *Germaniya. XX vek. Modernizm, avangardizm, postmodernizm* [*Germany. XX century. Modernism, avantgardism, postmodernism*]. Moscow: ROSSPEN.
6. Kurella, A. (1965) Nachwort. In: Scholochow, M. *Frühe Erzählungen*. Berlin, S. 420-421.
7. Nemirovich-Danchenko, V.I. (1979) *Rozhdenie teatra* [*Theater birth*]. Moscow.
8. Scholochow, M. (1929) *Der stille Don*. Bd. 1. Berlin.
9. Sholokhov, M.A. (1953) *Podnyataya tselina* [*Harvest on the Don*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Sholokhov, M.A. (1975) *Rossiya v serdtse. Sbornik rasskazov, ocherkov, publitistiki* [*Russia in heart. Collection of stories, outlines and journalism*]. Moscow: Sovremennik.
11. Sholokhov, M.A. (1975) *Sobranie sochinenii* [*Collected works*]. Vol. 1. Moscow.
12. Sholokhov, M.A. (1975) *Sobranie sochinenii* [*Collected works*]. Vol. 7. Moscow.